

## ОСОБЕННОСТИ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПРИ ПРАВОСЛАВНОМ ХРАМЕ: ОПЫТ ПОНИМАЮЩЕЙ ПСИХОТЕРАПИИ\*

М.С.ФИЛОНИК\*\*

*Статья посвящена описанию некоторых особенностей работы психолога при православном храме. Проводится осмысление опыта деятельности психолога при храме в рамках общей задачи выделения принципиальной специфики такой работы. Обосновывается целесообразность использования подхода понимающей психотерапии в христиански-ориентированном консультировании.*

В последнее десятилетие в крупных городах нашей страны постепенно начинают появляться психологические консультации при православных храмах. На западе практика так называемого пастырского консультирования известна уже давно (см., напр., МПЖ № 3, 2006), у нас она распространяется медленно, приживается не всегда безболезненно и, конечно, имеет ряд своих особенностей, как и вообще психотерапевтическая практика в постсоветской России.

В МПЖ № 3 за 2003 год публиковалась статья М.В.Баязитовой, в которой автор делится своим опытом работы психологом на приходе с. Макарово Московской области (близ г. Черноголовка). Данную работу мы видим как продолжение этого жанра, в ней будут изложены некоторые особенности психотерапевтической практики, которые проявились в нашей деятельности в качестве психолога-консультанта при одном из московских больничных храмов. На данном этапе мы не претендуем на исчерпывающее научное осмысление консультационной работы при храме – это представляется важным, но очень непростым

---

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 07-06-00477а.

\*\* *Филоник Марина Сергеевна* – методист, аспирант и преподаватель кафедры индивидуальной и групповой психотерапии МГППУ, преподаватель психологии Свято-Пантелеимоновского училища сестер милосердия.

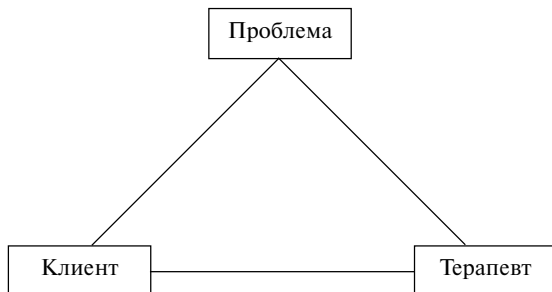


Рис. 1

делом. Вопрос, в чем главное, принципиальное отличие такой психотерапии, которую часто называют христианской, на наш взгляд, требует ответственного, серьезного осмысления. Сказать, что в этой работе используются какие-то качественно иные методы, нежели в уже известных психотерапевтических школах, нельзя. Также неправомерно пока говорить о том, что существует определенная методология, стоящая за данной практикой. Тем не менее, практика есть, и ее можно и нужно осмыслять. Предварительной попытке такого осмысления, в основном, на феноменологическом уровне, и посвящена настоящая статья.

Чтобы как-то структурировать обсуждаемые особенности практики христианского консультирования, мы выбрали схему ТЕРАПЕВТ-КЛИЕНТ-ПРОБЛЕМА (Васильюк, 2007), представляющую собой треугольник, формально иллюстрирующий любую психотерапевтическую ситуацию. Независимо от школы, направления, в котором работает психотерапевт, структурно всегда существуют эти три элемента, хотя содержательное их понимание может быть очень разным.

Рассмотрим, прежде всего, что происходит на полюсе **Клиента**. Человек, обращающийся за помощью именно к православному психологу, делает это неслучайно. Скорее всего, он – верующий, считающий себя православным, воцерковленный или нет, но почти наверняка имеющий *доверие* ко всему, что, так или иначе, связано с Православием. Именно это доверие, пожалуй, объединяет всех людей, ищущих психолога в церковной среде. Человек может иметь самые спутанные и эклектичные религиозные взгляды или называть себя «не особенно верующим», быть даже некрещеным<sup>1</sup>, но при этом все

<sup>1</sup> Одна клиентка, во время предварительного разговора по телефону, когда я предложила ей встретиться, настороженно и с некоторым вызовом спросила: «А я некрещеная, Вы с такими работаете?»

равно искать помощи именно в православной среде. Как правило, это те люди, которые пока не готовы, не решаются или не хотят идти к священнику, но в то же время надеются, что именно в Церкви им, во-первых, не откажут в помощи и, во-вторых, не навредят. В работе с такими людьми это «базовое», предварительное доверие дает нам, с одной стороны, благодатную почву для взаимодействия, но с другой, накладывает на нас определенную, немалую, ответственность, так как доверие надо оправдать. Это связано с тем, что характер контакта с обратившимся за помощью человеком, та личность, которую он встретит в психологе, консультирующем *при храме*, может повлиять на его отношение к Церкви как таковой и на его дальнейший духовный путь. Подобная ответственность лежит на всех нас, членах Церкви, когда мы общаемся с неверующими людьми, так как они, глядя на нас, могут сделать вывод: если ЭТО и есть Православие, то я такого не хочу. Однако в некоторых ситуациях вероятность возникновения определенных выводов возрастает и, соответственно, возрастает ответственность того человека, который в подобной ситуации находится. Это касается, например, сотрудников храма, работающих за свечным ящиком или следящих за чистотой и порядком в храме, сторожа, который является иногда первым, кого встречают при входе в храм и т.п. Психолог, консультирующий *при храме*, сугубо оказывается в такой ситуации, если к нему приходит человек с еще колеблющимися или не оформившимися взглядами.

Отметим сразу одну особенность: в работе с невоцерковленными людьми *режим консультации* часто смешивается с *режимом катехизации*. У нас пока нет однозначного мнения, хорошо это или плохо, можно ли смешивать эти два вида деятельности в одном кабинете в одно время или этого делать не стоит. На данном этапе мы считаем, что раз ситуация возникла здесь и сейчас, надо в ней быть; если возникает необходимость (а иногда только возможность) говорить о вере, отвечать на вопросы, что-то рассказывать, часто просто в информационном ключе, то стоит это делать. Возможно, миссионерская работа — одна из функций психологической консультации сегодня, в условиях нашей действительности, когда, как правило, на приходах отсутствует специальный институт катехизации, и мы лишены возможности отправить Клиента по соответствующему адресу: «Про Ваши отношения в семье и на работе — это к психологу, а про то, что такое исповедь, почему молиться перед иконой — не идолопоклонство, зачем нужен духовник и как его найти — это, извините, к Ивану Ивановичу (или отцу Иоанну) в соседнем кабинете».

Миссионерство представляется нам возможным и даже необходимым еще и в связи с тем, что зачастую приходится сталкиваться с самыми разными искажениями в понимании религиозных вопросов. Ветхозаветное, а нередко просто языческое сознание не изживает себя веками. Искажённые, кривые, порой очень странные представления, установки, касающиеся веры, часто лежат в основе тех психологических проблем, с которыми приходит Клиент. Это одна из наиболее распространенных особенностей наших клиентов. Пристальное внимание к внешним проявлениям, а не к внутреннему содержанию веры, мистическое упование на обряд без понимания его сути и вне желания что-либо делать самому, привязанность к какой-то одной религиозной идее при игнорировании остальных и самого духа Православия в целом, обозначение своих нездоровых проявлений понятиями из православного лексикона и, тем самым, придание этим проявлениям некоего позитивного смысла (а значит, успокоение и невозможность исправления) — это лишь часть «симптоматики» искаженной религиозности. Встречается она не только у людей невоцерковленных или недавно пришедших в храм, но, увы, не чужда (хотя и в более мягких формах) и людям с уже немалым церковным опытом. Мы часто имеем здесь дело с обычными для любого клиента, не зависимо от его религиозности, невротическими проявлениями, психологическими защитами, которые в данном случае эксплуатируют православную лексику.

При этом стоит оговорить: мы совершенно не утверждаем, что сам психолог есть истина в последней инстанции, что у него самого не может быть подобных искажений. Поэтому здесь особенно важна внимательность и осторожность, чтобы не уйти в «ересь» вместе с Клиентом. Мы стараемся говорить очень аккуратно, утверждая только то, в чем точно уверены, используя часто мягкие формулировки, оставляя клиенту пространство свободы выбора, ведь он совершенно не обязан оказывать послушание психологу. Одновременно необходимо, на наш взгляд, тесный контакт психолога со священником<sup>2</sup>, исправляющим возможные искажения религиозного сознания самого психолога. Это опосредованно укрепляет здоровое направление работы психолога с клиентами.

Тем не менее, в каждом конкретном случае нам приходится решать следующую задачу: обсуждать ли ту или иную тему с Клиентом или отправить его к священнику. Здесь важно понимание не только границ своей компетенции (это — вопрос, заслуживающий отдельного внима-

---

<sup>2</sup> М.В.Баязитова в МПЖ № 3 за 2003 год писала о том же.

ния), но и готовности человека обратиться к священнику, — важно сохранить уважение к его свободе, не давить, понимающе и принимающе отнестись к возможному отказу. На наш взгляд, только в условиях полного безоценочного принятия свободной личности Клиента мы можем не оттолкнуть его от Церкви, когда он в нее еще не вошел. Принцип безоценочного принятия личности клиента, сформулированный Карлом Роджерсом, оказывает нам здесь двойную услугу — и для психологической работы, и для катехизаторской.

Но все же понятно, что психотерапия и катехизация — это два разных режима работы, и поэтому мы считаем важным их разграничивать, чтобы отделить психотерапевтический процесс, сохранить, по возможности, истинно терапевтические отношения. Сегодня мы решаем эту задачу, просто сообщая Клиенту: «Сейчас я буду говорить с Вами не как психолог, а просто как человек, который ходит в храм. Между нами возможны два разных режима взаимодействия, и я готова с Вами обсуждать разные вещи, но хочу подчеркнуть, что вот там была психологическая работа, а вот здесь уже просто разговор, в рамках которого я готова Вам рассказать что-то, ответить на Ваши вопросы о вере, Церкви...» и т.д. Возможно, существуют и другие, более адекватные способы преодоления смешения двух указанных режимов, но пока мы открыто проводим эту условную границу в рамках одной конкретной встречи и считаем необходимым делать хотя бы это.

Сейчас мы говорили, в основном, об особенностях работы с людьми, мало или совсем не церковными. Если же к нам обращаются люди с достаточно большим опытом церковной жизни, то заниматься катехизаторской работой, как правило, не приходится, за исключением тех случаев, когда, как мы уже говорили, приходится иметь дело с разными искаженными установками, в том числе религиозными. Мы еще вернемся к этой теме, обсуждая по выбранной схеме полюс «Проблема».

Рассмотрим теперь некоторые особенности, связанные с ожиданиями клиента:

— *Ожидания от личности терапевта.*

Они во многом связаны с ожиданиями от христиан вообще. Обращаясь именно к православному психологу, клиенты, особенно невоцерковленные или недавно пришедшие в храм, часто ожидают увидеть человека, соответствующего *имеющимся у клиента* представлениям о нравственном идеале христианина. Эти ожидания могут переходить даже в *требования* принятия, понимания, любовного, милосердного отношения и пр. и могут сильно влиять на ожидания от деятельности терапевта и от результата работы.

– *Ожидания, связанные с методами работы.*

Клиенты, особенно имеющие в прошлом негативный опыт общения с психологами, уверены, что именно здесь им не принесут вреда, что все методы, которые использует православный психолог, не противоречат христианскому мировоззрению, «не опасны». Как мы уже говорили, они имеют некоторое «базовое доверие» ко всему, что так или иначе связано с Православием. Немногие, конечно, могут спросить нас о методах работы, как и в любой другой ситуации консультирования и психотерапии, но ожидание, что здесь будет безопасно, как правило, имеется.

– *Ожидания, связанные с процессом и результатами работы.*

Здесь, как обычно в психотерапии, кроется *опасность смешения роли психолога* с другими ролями, а в нашем случае, прежде всего, с ролью священника и катехизатора. На наш взгляд, возможным фокусом работы может стать *подготовка* к встрече со священником, но, конечно, не замена ее («Давайте я буду перед Вами каяться», – предложила мне одна клиентка). Добавим, что здесь имеется опасность расширения границ деятельности терапевта далеко за пределы психотерапевтической работы, что связано, во многом, с ожиданиями от христиан вообще («Найдите мне домик в деревне рядом с храмом», «Помогите устроиться в православную больницу» и т.п.). Иногда бывает трудно объяснить, что психолог не может устроить в загородную общину или решать юридические вопросы, связанные с усыновлением, родительскими правами. Здесь, по-видимому, мы сталкиваемся с общей для нашей страны реальностью, когда роль психолога понимается очень по-разному, каждым по-своему. В современной культуре существует множество мифов о том, кто такой психолог и зачем он нужен (Сосланд, 2007). Ожидания, касающиеся процесса и результата работы, бывают самыми неожиданными. Клиент зачастую пытается добиться от психолога советов, экспертных оценок, магического воздействия на близких (без их на то согласия). Много обращается людей больных или просто одиноких, которым не с кем поговорить. И здесь, пожалуй, не стоит говорить о специфике приходского консультирования – это, скорее, общая ситуация. В случае приходской консультации, ожидание, что именно здесь должны помочь, отнестись милосердно, а, значит, решить все проблемы (и с дачей, и с дочкой, и с погибающей Россией), особенно обострено.

Рассмотрим теперь некоторые особенности консультирования при православном храме, лежащие на полюсе **Терапевта**. Они во многом связаны с клиентскими ожиданиями, описанными выше.

Известно, что *личность терапевта* играет огромную роль в процессе психотерапии. «Личность консультанта (психотерапевта) выделяется почти во всех теоретических системах как важнейшее целительное средство в процессе консультирования» (Кочунас, 1999). Можно сказать, что требования к личности психолога, работающего при храме, становятся определенным образом очерченными и особенно важными – духовная работа над собой становится частью профессионального развития. Это отмечают многие христианские психологи. От себя могу добавить, что каждый раз замечаю, как зависит качество работы от моего наличного состояния, насколько важно, чтобы собственные страсти терапевта не вторгались в процесс консультации, будучи способными разрушить его, и как значительно для психолога то состояние души, которое А.А.Ухтомский, а вслед за ним и Т.А.Флоренская, называл доминантой на Собеседнике. Теме личностных качеств психолога посвящено много работ; наверно, и качествам православного психолога можно было бы посвятить отдельное исследование. Если верно, что такой психолог должен *быть* христианином, вести духовную работу над собой, ибо это является частью профессионализма, то, возможно, целесообразно говорить о проблеме аскетического измерения психотерапии.

Православный психолог, действительно, избирателен в *методах*, методах работы, соотнося их со своим *мировоззрением*. В связи с особым отношением к свободе личности человека, ряд христианских психологов стараются не использовать суггестивные методы, как основанные на внушении. Обычно они не работают также и в психодинамическом ключе, предпочитая экзистенциально-гуманистическую парадигму, наиболее близкую христианству. Что касается когнитивно-бихевиорального подхода, то особых «противопоказаний» мы для него не видим. Важно, на наш взгляд, в каждом конкретном случае понимать границы своего влияния на Клиента и возможные последствия своих действий, руководствуясь принципом «не навреди», а также понимать цель конкретной встречи. Пусть лучше Клиент уйдет от нас таким же, каким пришел, чем мы, стараясь добиться динамики, утратим духовную бдительность и осторожность.

В этом отношении недирективный подход, связанный с именем К.Роджерса, представляется нам в большинстве случаев наиболее уместным. Мы работаем, в основном, в русле понимающей психотерапии, разработанной Ф.Е.Василюком (Василюк, 2007). В рамках этой статьи мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении концепции понимающей психотерапии, с которой можно ознакомиться в работах

Ф.Е.Василюка и его коллег, скажем лишь несколько слов о том, *почему этот подход представляется нам одним из наиболее адекватных работе в русле христиански-ориентированного консультирования*. С одной стороны, как психотерапия гуманистического направления, понимающая психотерапия в своем философско-антропологическом основании признает существенно важной свободную природу человека. Здесь уместной может быть метафора *следования за клиентом* (созвучная идее недирективности терапевта у Карла Роджерса). С другой стороны, как отечественная, выросшая, в первую очередь, в русле культурно-исторического и деятельностного подхода, понимающая психотерапия опирается на идею зоны ближайшего развития Клиента и предполагает активное деятельностное со-участие Терапевта. Общепсихологическим ядром понимающей психотерапии стала теория переживания (Василюк, 1984). Переживание понимается как особая деятельность, цель которой – преодоление критической ситуации «невозможности», восстановление или порождение осмысленности жизни. Важная задача терапевта – поддержать процесс переживания клиента. Если деятельность Клиента мы называем переживанием, то деятельность Терапевта, соответственно, сопереживанием. «Сопереживание мыслится здесь не как эмоциональный отклик терапевта на чувства клиента, но как целостная творческая работа психотерапевта, протекающая на разных уровнях (эмоциональном, рефлексивном, личностном, коммуникативно-выразительном) и направленная на содействие продуктивному ходу и развитию переживания клиента. Общим **методом** этой целостной работы сопереживания является **понимание**» (Василюк, 2007, с.28). Таким образом, мы не просто *следуем за клиентом*, но стараемся обнаружить и учесть *потенциальную возможность*, может быть, еще не явленную, но могущую явить себя в процессе терапии, – опираемся на зону ближайшего развития Клиента.

Одна из особенностей понимающей психотерапии, выраженная на методическом уровне, связана с особым построением терапевтических реплик, которые, как правило, должны начинаться с так называемого оператора понимания. «*Оператор понимания* («правильно ли я Вас понимаю», «так ли я понял» и т.п.) выполняет ряд важных функций, в частности, осуществляет такое ролевое структурирование терапевтических отношений, при котором терапевт занимает позицию «второго лица», сопереживающего слушателя, диалогического Ты, а клиент обретает достоинство диалогического Я и статус автора повествования (а не одного из прототипов или персонажей своего рассказа)» (*там же*, с.31). Антропологическая ценность уважения свободы Другого (в частности,



Клиента), столь созвучная христианству, при использовании оператора понимания, волей-неволей помещает Терапевта в позицию вопрошающего (хотя и, конечно, сопереживающего), пытающегося понять, страдая тем самым от попадания в позицию всезнающего, поучающего, жестко интерпретирующего и т.п. Это представляется важным в связи с тем, что клиенты сами нередко провоцируют нас (как правило, неосознанно), как бы «выталкивая» в ту или иную роль, комплементарную одному из их внутренних персонажей. Такая техника построения терапевтического отклика может помочь удержать диалогический, личностный режим консультации. В концепции понимающей психотерапии есть еще некоторые положения и приемы, помогающие удерживать общение Клиента и Терапевта на уровне диалога двух личностей, не попадая в ловушку игры внутренних персонажей, субличностей Клиента. Это, например, модель регистров сознания (Васильюк, 2008).

Принципиально важной, на наш взгляд, является *позиция* психотерапевта, работающего в религиозно не нейтральном пространстве. Именно от нее будут зависеть *методы* работы. Понимающая психотерапия дает нам уникальную возможность, сохраняя общий дух недирективного подхода (в том числе, благодаря позиции терапевта, описанной выше), встраивать в общую логику психотерапевтического процесса самые разные методики, в том числе директивные по своей сути. Если мы берем, например, релаксационную методику работы со стрессом, или приемы эриксоновского гипноза, или техники телесно-ориентированной либо бихевиоральной терапии, или даже элементы НЛП, то они, взятые в чистом виде, могут противоречить духу христианства, ценности свободы другого и логике недирективного подхода. Но если мы удерживаем рамку понимающей психотерапии, остаемся в позиции понимающего психотерапевта, аккуратно организуем вход и выход из той или иной методики так, чтобы она не нарушала общий дух, общую логику процесса, то мы можем, при необходимости, позволить себе использование разного рода техник, взятых из арсенала других подходов. Сами техники в этом случае становятся *другими*, они обслуживают другие задачи, преобразуются в свете той работы, в которую встраиваются. Они не ломают общий процесс, более того, могут помогать нам, двигаясь как будто по поверхностным симптомам Клиента, решать в то же время и более глубокие проблемы. Разработанные в понимающей психотерапии методы так называемой локализации симптома и специальным образом построенного входа в работу с той или иной техникой, направленной на этот симптом, позволяют, связав симптом с более глубокими его корнями, помогать Клиенту одновременно на раз-

ных уровнях проблемы. Не всегда возможно «нырнуть» глубоко, иногда приходится плыть по поверхности, но тащить за собой под водой большой груз, который и при таком плавании будет перемещаться, если построена связь глубокого с поверхностным. Эта связь возможна, прежде всего, если будет найден, назван смысл симптома.

За всем этим, когда мы говорим о такой разноуровневой работе, стоит понимание симптома как символа, который представляет в сознании более глубокую проблему Клиента. Например, если Клиент жалуется на трудности организации времени (симптом), за этим может стоять проблема бессмысленности конкретной деятельности или жизни вообще. Если симптом (например, проблема времени) — символическая репрезентация более глубоких нарушений (например, проблемы смысла), то он, как символ, не просто означает, но и являет собой означаемое. И при этом симптом осознан, принят, Клиент готов с ним работать. Таким образом, если построена связь между уровнями, то, работая, казалось бы, с поверхностным слоем, изменяя его содержание, мы одновременно работаем более глубоко, изменяя то, что являет собой поверхностная проблема. Это одно из условий, позволяющих, в частности, применять самые разные методики, не нарушая общую недирективную логику процесса терапии, о чем мы говорили выше.

Чтобы симптоматическая работа была грамотно встроена в общий ход работы, вход в нее и выход из нее должны быть постепенными, плавными, — резкие скачки тут могут стать небезопасными для Клиента, как для акванангиста есть угроза возникновения Кессоновой болезни при слишком быстром погружении и всплытии. Если воспользоваться нередким сравнением сознания со сценой, на которую могут выходить разные актеры — субличности, персонажи Клиента, то можно сказать, что в терапии происходит работа с разными субличностью, которые появляются на сцене сознания, при одновременном удержании личностного, субъектного уровня. (В понимающей психотерапии понятие субличности эквивалентно понятию регистра сознания; личностному уровню соответствует верхний регистр сознания, уровням субличностей — более низкие регистры: *Василюк*, 2008). Например, для мягкого, постепенного входа могут быть использованы техники релаксации — это ослабляет защиты, зажимы, освобождает сцену сознания для вывода субличностей. Экологичный вход и вывод на сцену персонажей может осуществляться, например, психодраматическими средствами.

Завершая симптоматическую работу, важно вернуться на личностный уровень работы, которая остается недирективной, сохраняя субъект-субъектное взаимодействие. Чтобы опыт контакта со своей

проблемой был присвоен, он должен быть опосредован и символизирован (например, можно использовать техники символизации, чаще всего словесной, поиска символа пережитого опыта).

Таким образом, благодаря использованию стратиграфической модели сознания (Василюк, 2008) и разработанным в рамках понимающей психотерапии методам работы с клиентом, сохраняется недирективная позиция терапевта и становится возможным использование различных по своей сути методик, взятых из разных психологических школ, без нарушения субъектного, личностного уровня работы с Клиентом. Методики здесь обслуживают задачи работы с тем или иным симптомом, занимая исключительно отведенное им место (на нижних регистрах сознания). С нашей точки зрения, в этом заключается важное преимущество использования подхода понимающей психотерапии в христиански ориентированном консультировании.

Рассматривая *процесс работы*, скажем несколько слов о фокусе внимания терапевта. На наш взгляд, принципиально важным является, каким образом мы слушаем клиента, на *что* направлено наше слушание, на *что* стоит обращать особое внимание. «Человек, — пишет Д.А.-Леонтьев, — может быть разным: в зависимости от того, о чем вы спрашиваете (в широком смысле слова), вы получите совершенно разный ответ. Психотерапевты давно знают: к какому «Я» в клиенте вы обращаетесь, от того «Я» вы и получите ответ. Обращение к определенному «Я» в человеке, условно назовем его «низшим Я», практически гарантирует, что человек ответит с этой низшей позиции, а если вы обратитесь к другому «Я» в человеке, постройте другую ситуацию, будете задавать другие вопросы, — вы получите совершенно другого человека» (Леонтьев, 2002, с.3-34). Важной задачей для нас является выявление «духовного Я» человека (Т.А.Флоренская, 2001), слышание и поддержка голоса его совести. Часто, работая в русле понимающей психотерапии, мы даем Клиенту возможность услышать голоса разных его внутренних персонажей и, удерживая работу на так называемых верхних регистрах сознания, то есть на личностном уровне, предоставляем ему пространство для свободного выбора в том, что касается отношения к ним. Среди этих субличностей можно различить и инфантильные фигуры, и голоса страсти, но также и проявления «духовного Я».

Приведем для примера терапевтическую реплику, построенную в духе понимающей психотерапии. «Правильно ли я Вас понимаю, что Вам сейчас очень тяжело, Вас буквально разрывает изнутри, Вы чувствуете несвободу и мучительность Вашего положения: с одной стороны, Вы, как маленькая школьница-отличница с белым воротничком,

хотите быть для всех хорошей и правильной, но, с другой, Вы, как самостоятельная женщина, хотите сами решать, как Вам поступать? И вот Вы смотрите растерянно на этих двух героинь и совсем не знаете пока, как же Вам быть?». Что происходит в результате такого понимающего вопрошания терапевта? Во-первых, мы показываем Клиенту, что эмпатически его слышим и понимаем всю тяжесть его положения. При этом правда ситуации заключается в том, что пока нет ясности, где здесь истина. Во-вторых, мы даем право на существование обоим борющимся голосам, не вытесняя кого-либо одного (сами клиенты часто встают на сторону то одного, то другого персонажа, не давая звучать *одновременно* всем). В-третьих, называя как-либо персонажи, голоса которых звучат, мы персонифицируем внутренние борющиеся тенденции и даем клиенту культурное средство обращения с ними. Мы можем ошибиться в назывании персонажей – Клиент нас сразу поправит. Он может сказать, например: «Нет, это не самостоятельная женщина, а самолюбивая дама или львица», «Это не отличница, а напуганная мышка». Но само мышление Клиента о себе уже задано определенным образом, сознание уже ведет свою работу в определенном направлении. В четвертых, благодаря использованию стратиграфической модели сознания (Василюк, 2008), у Клиента появляется пространство свободы мыслить о себе, каким-то образом отнестись к себе, что, как правило, затруднено не только аффектом, но и застреванием на одном из персонажей. Когда мы даем Клиенту возможность услышать голос той или иной его страсти, то это позволяет ему, как субъекту ситуации, посмотреть на нее со стороны и решить, кому он дает право голоса, а с кем будет бороться. При этом сохраняется безопасная атмосфера работы, когда мы можем не называть прямо ту или иную страсть, но говорить о ней с Клиентом метафорически. Наша задача – не обличить, а, скорее, «лечить». И делать это приходится очень деликатно, чтобы не ранить и без того раненую душу обратившегося за помощью человека, но высвободить, очищая, как в археологии, от наслоений, пока еще почти не видимого нашему глазу свободного субъекта – того, кто, встав во весь рост, сможет сказать «нет» чему-то в себе, пока ему неподвластно. Здесь важно, опираясь на зону ближайшего развития Клиента, не спешить, но и не буксовать, не опережать, как бы *нам* того ни хотелось, но и не завязнуть.

Во всем вышесказанном нам видится принципиальное «удобство», если можно так выразиться, использования подхода и техник понимающей психотерапии в христиански ориентированном консультировании. Но главное основание для использования какого-либо подхода,

как адекватного христианскому мировоззрению, надо искать, конечно, не на уровне техник и даже методик, а на уровне методологическом, *антропологическом*. Какая антропология стоит за той или иной психотерапевтической системой – вот что определяет наше отношение к ней, а также решение о возможности использовать в своей практике тот или иной подход и техники, выросшие на его почве. И тогда, если мыслить «антропологически», а не «методически», становится ясным, почему многие православные психологи сегодня отказываются, например, от психоанализа.

Наконец, рассмотрим некоторые особенности консультирования при православном храме, связанные с содержанием **Проблемы** клиента. Как мы уже говорили, проблемы, с которыми Клиент обращается к православному психологу, нередко бывают обусловлены искаженными религиозными установками и представлениями о нормах христианской жизни, неверным пониманием Евангелия, богословских и святоотеческих текстов. Запросы, как правило, связаны с желанием поступать «правильно», «по-христиански». В условиях современной действительности, когда быть совестливым и «моральным» бывает не только сложно, но порой и «неприлично», наш Клиент выделяется следующей особенностью: у него, как правило, сильно выражен ценностный аспект сознания, живы моральные установки и, соответственно, как можно предположить, есть, где развернуться механизмам психологических защит. Здесь мы периодически встречаемся с такой ситуацией, которую можно было бы обозначить как «проблему еще не присвоенных, не интериоризованных ценностей». Речь идет о разрыве между живым переживанием и попыткой, как оно называется, «подогнать» свою субъективную реальность к тем понятиям, которые почерпнуты из духовной литературы, проповедей священников и т.п. Типичным примером может служить название своих «грехов», не ведущее к покаянию, когда человек спокойно рассказывает, какой он «плохой», используя много «правильных» слов, часто на церковно-славянском языке. В данном случае мы встречаемся с такой неконгруэнтностью, пребывая в которой, человек может только испытывать невротическое чувство вины, но никак не может *на самом деле* признаться себе хотя бы в малом *реальном* грехе. Он надевает на себя одежду не по размеру, накладывает на себя красивый трафарет<sup>3</sup> из святоотеческих текстов и успокаивается на этом, но реальность его искривленной, воспаленной души не вписывается в этот

---

<sup>3</sup> Метафора «трафарет» родилась в работе с одной Клиенткой, когда мы обсуждали описываемую проблематику.

трафарет. Внешняя ценность, которую он уже считает своей, признает ее правильность, еще не живет в нем, но он не может себе в этом признаться и только делает вид, что осознает свое реальное несоответствие этой ценности. В этом процессе пока не хватает жизни, реального трагизма встречи с собой.

...Здесь хочется поделиться особой радостью нашей практики, когда в ходе работы с Клиентом нам удается присутствовать при удивительном внутреннем событии в жизни Клиента, происходящем здесь и-сейчас, на наших глазах. Выражаясь языком гештальт-психологии, можно сказать, что происходит инсайт – смена фигури-фоновых отношений – в ценностном мире Клиента. Те ценности, которые раньше только назывались, но не были «живыми», интериоризованными, были лишь «фоном», вдруг становятся «фигурой», начинают звучать во весь голос, «оживают», становятся личными. Иерархия ценностей переструктурируется. Человек вдруг понимает, *что* же на самом деле важно в его жизни; все наносное уходит, просыпается подлинная личность. Обычно это момент болезненный, не лишенный трагизма, но в то же время очень радостный и освобождающий.

Может возникнуть вопрос: почему же люди, о которых мы тут рассказываем, не идут со своими проблемами к священнику, а ищут помощи у психолога? И где пролегают границы работы первого и второго? Эти вопросы часто обсуждаются сегодня в среде как духовенства, так и верующих психологов. Причин много, частично мы о них уже говорили выше. На наш взгляд, человеку, у которого есть сложившиеся отношения с духовником, психолог, как правило, не нужен. Мы объясняем это тем, что большинство психологических проблем имеют под собой духовные корни. Более того, любая из базовых страстей, в своем развитии, приводит к психопатологии (мании, бредовой идее, депрессии и проч.). Вероятно, одни и те же проблемы можно решать на разных уровнях – душевном и духовном. И вполне понятно, что большинству из нас работа сразу на духовном уровне малодоступна, к ней надо еще быть готовым, созреть.

Как же быть? Проблемы есть, на духовном уровне они не решаются, но человек хочет что-то с этим делать. Тогда он может решать их на душевном уровне, и это вовсе не значит, что таким образом он становится на ущербный или неправильный путь. Возможно, обратиться к психологу – единственное доступное, в данный момент, человеку средство, и средство далеко не худшее. Как-то к нам обратилась воцерковленная женщина, мать сына-подростка, уверенная в правильности своих взглядов и возмущенная изменениями, происходящими с ребенком. То, что я

старалась до нее донести (мысль, что не надо давить на ребенка), она уже не раз слышала от священника, но почему-то это ее не устраивало. Каково же было мое удивление, когда она, довольная и благодарная, в конце беседы говорила приблизительно следующее: «Вот все говорят мне: “А ты к священнику ходила с этим?” (это была реакция на мой аналогичный вопрос), — а что священник... Он не будет особенно разбираться, подробно вникать в мою ситуацию, он говорит “не дави”, но... (далее следовал текст о том, что ее не устраивают его слова). А Вы вот мне, может быть, и то же самое сказали, но как-то так, что я поняла, может быть, именно те слова сказали, которые мне надо было услышать, все ведь неслучайно...». «Удивительно, — подумала я, — почему-то услышать и принять слова психолога бывает легче, чем те же, по сути, слова священника». Возможно, это связано с тем, что, так или иначе, человек понимает, что священника, тем более духовника, надо слушаться, и это его бессознательно отталкивает. С психологом — пространство свободы больше и, возможно, поэтому меньше бессознательных защит, барьеров, мешающих слышанию и пониманию. Пока это наша гипотеза.

Причины, по которым верующий человек обращается за психологической помощью, разные, но результат один — запросов сегодня к православному психологу немало. Может быть, сравнение не вполне уместно, но раз есть «жатва» — надо идти на нее и быть ее «делателем», понимая свои ограничения и несовершенства. Лучше идти, чем оставаться в тени, имея в руках необходимый инвентарь.

Обобщая, можно добавить, что описанные особенности консультирования при православном храме предьявляют определенные требования к *личности* и *деятельности* самого психолога. Мы почему-то не говорим «православный физик» или даже «православный хирург», хотя в Москве существует, например, православная больница святителя Алексия. Когда нам нужно пойти к врачу, и перед нами встает вопрос, обратиться к обычному хорошему профессионалу или к православному, но не известному нам специалисту, то мы, скорее всего, выберем первое. Когда же заходит речь о выборе психолога, вопрос о его мировоззрении может стать решающим. Вероятно, за этим стоит проблема целей и ценностей профессиональной (и совместной с обратившимся за помощью человеком) деятельности психолога. Ценность познания истины у физиков, ценность достижения соматического здоровья у врача и пациента одинакова, независимо от их личных взглядов. Врач и пациент вместе идут к этой цели, понимаемой как норма (в данном случае телесного здоровья). Психолог и его клиент тоже движутся к какой-то цели, и у них тоже есть представления о норме, о желаемом результа-

те. Но здесь мы приходим к тому, что, в отличие от ситуации в медицине, цели, ценности, понимание нормы, желаемого результата у психолога и клиента могут сильно различаться, как они различаются, например, в разных психологических школах. На первый взгляд кажется понятным, что все стремятся, условно говоря, к психологическому здоровью. Но что это? Отсутствие симптома или умение с ним справиться? Удовлетворение потребностей или осмысленность бытия? Способность к саморазвитию? Но развитию чего и ради чего? Психология сознательно уклоняется от ответа на этические вопросы (*Братусь*, 1997, с.3-19), а норма понимается либо очень широко (как, например, отсутствие патологии), либо по-разному в разных направлениях. Пока мы занимаемся наукой, исследуем закономерности функционирования психики, мы можем эти вопросы опустить, как это делается в любой другой науке. Но когда мы выходим в область практики, и именно психотерапевтической практики, когда мы имеем дело с личностью другого человека, с его целями и ценностями, мы уже не можем оставаться вне этического, а, по сути, духовного контекста. И тогда становится понятным, почему человек, имеющий определенное мировоззрение, хочет, чтобы психолог разделял его с ним. Ведь в этом случае они будут двигаться в *одном* направлении.

## ЛИТЕРАТУРА

- Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5.
- Василюк Ф.Е.* Модель стратиграфического анализа сознания // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 2.
- Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система. Автореферат на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 2007.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984.
- Кочунас Р.* Основы психологического консультирования. М., 1999.
- Леонтьев Д.А.* Симбиоз и адаптация или автономия и трансценденция: выбор личности в непредсказуемом мире // Личность в современном мире: от стратегии выживания к стратегии жизнестойкости / Под ред. Е.И.Яцукты. Кемерово: ИПК «Графика», 2002.
- Сосланд А.И.* Психология восприятия психологии (ироническое эссе) // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 4.
- Флоренская Т.А.* Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001.